

Прошедший

АД

войны

Игорь
Кукле

Игорь Кукле

Прошедший ад войны

«Издательские решения»

Кукле И.

Прошедший ад войны / И. Кукле — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906322-9

Герой этой повести — мой отец. Это его воспоминания о времени, проведенном на фронтах Второй Мировой Войны. Воспоминания эти не совсем обычные. Здорово, наверно, читать о героях, совершавших бессмертные подвиги. Но историю делают не только выдающиеся личности. Жизнь обыкновенных, простых людей тоже может быть интересна. Я думаю, что не бывает неинтересных судеб. Каждая жизнь по-своему уникальна. Вот и история моего папы, переданная в этой повести, думаю, будет любопытна читателю.

ISBN 978-5-44-906322-9

© Кукле И.
© Издательские решения

Прошедший ад войны

Игорь Кукле

Дизайнер обложки Александр Новиков

© Игорь Кукле, 2018

© Александр Новиков, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-6322-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КУКЛЕ НА ВОЙНЕ

Предисловие.

Меня зовут Игорь Кукле. Я являюсь автором этого произведения. Герой этой повести, мой отец. Это его воспоминания, о времени, проведенных на фронтах Второй Мировой Войны. Воспоминания эти не совсем обычные. Они передают картину того времени глазами музыканта.

Здорово, наверно, читать о героях, совершавших бессмертные подвиги. Но историю делают не только выдающиеся личности. Жизнь обыкновенных, простых людей тоже может быть интересна. Я думаю, что не бывает неинтересных судеб. Каждая жизнь по-своему уникальна. Вот и история моего папы, переданная в этой повести, думаю, будет любопытна читателю.

Поддавшись влиянию своего друга Антона, тоже музыканта, под впечатлением речи Сталина, на Параде 7 ноября 1941г друзья, до этого служившие в Центральном Военном оркестре, под управлением Семена Чернецкого сбегают на фронт. Забегая вперед, скажу, что папа мой участник двух важнейших для нашей страны парадов. 7 ноября 1941г. и Парада Победы 24 июня 1945г. Публикуемая повесть это только небольшая часть воспоминаний моего отца. Действие повести переносит нас в конец 1941г.

От всей души благодарю за помощь в создании этой книги Новикова Александра и Михаила Александрова. Без их участия эта книга вряд ли была издана. С огромным уважением Игорь Кукле.

– Глубже, глубже копай! Дурья ты башка. Когда немец из пушек лупить станет, попомните мои слова, лентяи! – Пожилой ветеран ходил вдоль траншеи и показывал, где и как надо было делать окоп. Да и в самом окопе объяснял, как углубления и выступы рыть. Чтоб и стрелять можно было, и от взрывов хорониться.

Батальон Матвея вот уже пять часов вгрызался в мерзлую землю. Сначала кирками орудовали, а затем и лопаты в ход пошли. Ополченцы, которые из мастеровых, только побрякивают, откидывая комья промерзшей глины. Вот с интеллигенцией дела, куда похуже были. Не привыкли они в руках шанцевый инструмент держать, все больше головой работали, а тут на тебе. Да старшина еще, гад такой, разогнуться не дает. Все поторапливает и поторапливает. У многих нет рукавиц, и видно, что черенки от лопат уже красные от крови. Но никто не ноет и не жалуется. Вгрызаются в землю-матушку, только брызги кровавые летят.

В это время по Орловскому шоссе шла колонна немецких танков. Разведка у немцев работала хорошо и о предполагаемой засаде они уже знали наверняка. Не доезжая до соседней деревни, они свернули с шоссе и проселочными дорогами двинулись в сторону населенного пункта Ретиновка. Уже позже в батальоне узнали, что против них воевали части 17-й танко-

вой дивизии и моторизированный полк «Великая Германия». Это были великолепно обученные войска вермахта. Прекрасно вооруженные и, благодаря четким и своевременным разведанными, прекрасно ориентировавшиеся на местности. Вот с каким противником предстояло столкнуться Матвею и его мотострелковому полку ополченцев. Плохо вооруженными, это если мягко сказать, и уж совсем необстрелянными и не обученными юнцами.

От монотонной работы болело все. Спина, руки, ноги. Каждый бросок отдавался, как удар молотка. Но хуже всего усталость. Она прижимает Матвея к стенке траншеи. Он опустился на корточки. Сон. Сон одолевает его со страшной силой. Боже милостивый! Какая в нем сила – в этом невероятном желании закрыть глаза. И никак от этого не избавиться ни кулаками, ни лопатой.

– Все! Перекур! – Послышалась команда старшины.

Солдаты побросали лопаты и сгрудились около старого, как им тогда казалось, старшины. Ему, на самом деле, и сорока лет не было. Но он им казался уже очень пожилым. Может, дело в усах было. Как у Буденного усы были, только покороче. Но все одно, прибавляли старшине возраста и солидности. Он был опытный боец. И к этому времени принимал участие в боях на Халхин-Голе, и в Финскую многому научился.

– Товарищ старшина! А можно вопрос?

– Давай, боец. Спрашивай.

Старшина, работал наравне со всеми, но выглядел, не в пример молодым, ничуть не уставшим. Свернув огромную козью ножку, глубоко затянулся и, смачно выдохнув, приготовился слушать.

– А правда говорят, что немец из минометов здорово шпарит?

– Ну, ты и спросил. На то и война, чтобы стрелять, значит.

Старшина снова затянулся и, пыхнув вонючим махорочным дымом, продолжил:

– Минометы, конечно, у немца есть, тут спора нету. И пушки тоже наличествуют. Однако... – он поднял корявый палец вверх, – тут различать надо. У мины свой нрав. А у снаряда – свой. Мина, при подрыве, осколки веером рассыпает, по кругу. А снаряд – тот все больше вперед сеет. Вот, к примеру, бризантная граната, когда над землей рвется, осколки, тогда как град по тебе лупят.

– Товарищ старшина! А как же распознать – где что?

– Дык, это проще пареной репы. По звуку и распознаешь.

– Как это по звуку?

– А вот так. У каждого боеприпаса своя музыка. Ее ни с чем не спутаешь. Вон у музыканта спроси. Он, небось, звуки-то получше нашего различает.

Старшина показал рукой на Матвея. Все повернулись к нему. Но Матвей и не знал, что сказать, смотревшим на него солдатам.

– Ну как я им объясню, что свист снаряда из пушки звучит, как си-бемоль, или когда бомба летит, та вообще тональность постоянно меняет, – думал про себя Матвей.

Не дождавшись от него никакого ответа, прозвучал еще один вопрос:

– Товарищ старшина! А когда немец артобстрел начнет, нам в дотах прятаться надо?

– В каких еще дотах? – Старшина уставился на молодого, в круглых очках, интеллигента.

А! Вот ты о чем. Так это, – он снова махнул рукой, – не дот.

– А что? Что же мы тут строим?

– Ну ка! Сейчас проверим вас. Кто мне скажет, что такое дот?

Бойцы замолчали, недоуменно поглядывая друг на друга.

– Разрешите мне, товарищ старшина.

В толпу вклинился Антон. Оглядев презрительным взглядом ополченцев, он сказал:

– Дот – это долговременная огневая точка. Сооружают их железобетонными. И форму он имеет в виде цилиндра, с плоской крышей. Делается так для того, чтобы снаряды, если

и попадают в крышу, отлетали бы рикошетом. А мы здесь, – Антон еще раз обвел взглядом слушавших его внимательно ополченцев, – сооружаем дзоты. Это – дерево-земляная огневая точка.

– Молодец, Антон! – Старшина даже поднялся. – Учитесь, салаги, как военную науку человек постигает. – Молодец, Антон, – повторил старшина, – я сразу заметил. Будет из тебя толк. Доложу сегодня нашему командиру, как ты нос салагам утер.

Все это время Антон, ничуть не смущаясь, смотрел на своих товарищей. Что-то не понравилось Матвею в его взгляде. Было в нем что-то высокомерное, напускное, неестественное.

– Все! Кончай курить! За работу, бойцы! За работу!

Застучали кирки и ломы. Полетела земля. Вот уже и голов не видно из-за бруствера окопа.

– Давай, бойцы! Налегай! Опосля мне спасибо скажите! – Старшина прошел мимо окопа и вскоре скрылся за поворотом. Проверять работу других взводов ополчения тоже надо было.

Матвей сидел в окопе и грыз каменный сухарь. Несмотря на усталость, постоянно мучил голод. Он особенно ощущался на морозе. С начала войны количество еды все уменьшалось и уменьшалось. А здесь, на передовой, при общей неразберихе, поесть удавалось вообще каким-то чудом. Хорошо, что у них в роте старшина был уж очень бывалый. Он выбил у интенданта для своей роты паек на пять дней. Хотел на семь, но выбил только на пять. Не хотелось этой тыловой крысе и столько давать продовольствия. Знал он наверняка, что скоро бой начнется. А уж как на мертвых душах сэкономить – тыловик тут собаку съел. Старшина тоже, конечно же, знал об этих гешефтах, поэтому радовался и тому, что удалось раздобыть. Паек на пять дней составлял:

– Селедка, довольная крупная, в количестве трех штук. Она была не соленая, как привык видеть Матвей, а копченая. Вкусная, зараза. Если бы это было возможно, Матвей сразу мог их съесть.

Семь ржаных сухарей.

Чтоб вы поняли, много это или мало, попробую объяснить размер этих продуктов. Представьте себе буханку ржаного хлеба. Разрежьте ее поперек, а после отрежьте ломтик хлеба, толщиной в один сантиметр. Так вот, когда вы его высушите, – то и получится один стандартный сухарь. А еще выдали сахар. Но не наш рафинад, а американский – в количестве 25 штук. Почему американский? А потому, что он почти в два раза меньше русского, а количество неизменно – 25 шт. Вот, собственно говоря, и весь паек.

Как ни хотелось Матвею кушать, но старшина объяснил ему:

– Все-то не ешьте сразу. Во-первых, при ранении хуже будет, да и после есть еще больше захочется.

Учился Матвей в школе хорошо, так что сразу вычислил, что в день можно съесть не больше 0,7 селедки, сухаря чуть больше одного и сахара пять кусочков. Вот и вся недолга. Много это или мало для парней – молодых, здоровых, еще растущих организмов? Ясно было всем, что все живут впроголодь, и они тоже не исключение.

Матвей был в каком-то забытии. От монотонной работы ломило все тело. А еще было холодно. Рядом был блиндаж, и Матвей слышал, как радист все выкрикивал свой позывной. Вероятно, связи не было и он, монотонно повторял:

– Ромашка! Ромашка! Я колос! Ответьте!

С утра небо было затянуто тучами, мела поземка. Но вдруг стало светлеть и появилось солнышко. Из забытия Матвея вывело далекое, на пределе слышимости, жужжание мотора. Слух у Матвея был почище любого прибора. Гудение моторов нарастало, когда послышалась команда:

– Воздух! Всем в укрытия!

Небо, еще недавно совсем чистое и голубое, стало темным-темно. На очень большой высоте ряд за рядом летели немецкие самолеты. Их было очень много. Матвей лежал на дне окопа, на спине и смотрел, с ужасом, невольно считая колонны пролетающих над ним самолетов.

– В сторону Каширы летят.

Где-то далеко ударили орудия, и небо осветилось вспышками разрывов.

– А вот эти уже по наши души. Мать его...

Из пролетающих в вышине колонн стали отделяться и камнем падать на позиции немецкие самолеты, ряд за рядом. Юнкеры. Они пронеслись над окопами на бреющем полете. Очень низко. Матвей даже увидел в одном, разворачивающемся над его окопом самолете, лицо немецкого аса. Он улыбался. Было жутко видеть улыбающееся лицо убийцы, стреляющего из своих пулеметов по беспомощным людям. Воздух был наполнен гулом пролетающих самолетов. Матвей перевернулся на живот и закрыл голову руками. Так их старшина инструктировал. Всей кожей, каждой жилкой своего организма он ощущал, как рвутся бомбы, раскидывая вокруг огромные пласты земли, вперемешку с разорванными телами бойцов. Сквозь взрывы бомб и крики раненых Матвей слышал, как передали команду:

– Огонь! По самолетам залпами огонь!

Матвей снова перевернулся на спину. Его била истерика. Хотелось кричать, бить, стрелять. Ему вдруг расхотелось оставаться безучастным свидетелем этого кошмара. Он больше не мог видеть, как эти ревущие, завывающие стервятники несут огонь и смерть в их окопы. Он потянул за ремень свою Мосинку. С трудом выдрал ее из осыпавшейся земли. Передернул затвор и сразу выстрелил в пролетающий на бреющем полете немецкий самолет. Может, он и попал в него, кто знает, но если несколько сотен выстрелов дать по самолету, может ведь и попасть тому мерзавцу на орехи. А бомбежка все не прекращалась и не прекращалась. Юнкеры сделали один разворот над траншеями, затем второй, третий. Матвей, совершенно оглохший, все стрелял и стрелял из своей винтовки, пока не понял, что стреляет он вхолостую. Патроны-то давно кончились. Он полез в подсумок за новой обоймой, и пока ковырялся там, вдруг понял, что наступила тишина. Стояла гарь. Удушливый едкий дым окутал весь окоп. Как сквозь вату, Матвей слышал крики и стоны раненых бойцов. Когда дым немного рассеялся, он увидел останки раскуроченного блиндажа. Матвею послышался стон, доносившийся из обломков бревен. Он не вставая, на коленях, пополз к завалу. Матвей увидел ноги, торчащие из-под здоровенных бревен.

– Эй! Кто-нибудь! Помогите! – Прокричал он в сторону.

Он с большим трудом откатил одно бревно, затем еще одно. Матвей пригнулся и пролез в углубление блиндажа. Это был радист. На нем еще были наушники. Он был удивительно спокоен и смотрел на Матвея, не мигая. Но внезапно его тело слегка дернулась, и глаза, еще мгновение назад слегка мутные, стали глубокими и ясными, как небо, отражавшееся в них.

Матвей отпрянул назад, больно ударившись головой о торчавшее бревно. Ему было невероятно жалко этого незнакомого ему парня. Он почувствовал, как слезы текли по щекам.

– Приготовиться к бою! – Донеслась до него команда.

Матвей стремглав выскочил наружу. Казалось, каждый квадратный метр земли был перепахан снарядами и бомбами. С удивлением он увидел людей, откапывающих, после взрывов, свои позиции. Матвей и не думал, что после такого крошечного ада останется кто-то в живых. Оказалось, убитыми и ранеными было не более двадцати процентов. Он—то представлял, что один и спасся. Ан, нет! Заслуга в этом была старшины, который правильно организовал устройство окопов. Вспомнились ему недавние беседы старшины о предстоящем бое.

– Ведь что такое война? – Как-то спросил он у сгрудившихся возле него бойцов.

Молчат бойцы. Понимают, что бы ни сказали – все одно неверно получится.

– А война, братцы мои, – это, прежде всего, бой.

Он, как обычно, скрутив здоровенную самокрутку и, пыхнув вонючим дымом, продолжил:

– Вот, к примеру, вражеская артиллерия. Начнет она из всех своих орудий по нам лупить. И здания, и оборонительные сооружения может разрушить. Или авиация, со своими бомбами, будет пытаться нас в пыль превратить. И, допустим, у них это получится.

– И что? Войне конец? – Робко задал вопрос один из бойцов.

– А вот и не конец, – старшина вновь окутал дымом своих слушателей, – победа наступает только тогда, когда на позиции противника ступит нога пехотинца. Вот тада, значит, и будет победа. А чтоб фашист не прошел тут своими сапогами, мы свои жизни сохранить должны. И, когда они попрут на нас, дать им прикурить. Да хорошенько. Поэтому-то мы и окапываемся тут, как положено.

– Танки! Танки! – Истошный крик вывел Матвея из забытья.

Матвей высунулся из окопа. Далеко, за полем, увидел, как из проселочной дороги один за другим выезжают темные силуэты немецких танков. На таком расстоянии они казались не больше спичечного коробка. Но они все выезжали и выезжали на простор обширного, заснеженного поля. Танки разъезжались, то вправо, то влево, образуя гигантскую подкову. Своей массой, на таком расстоянии, они напоминали сплошную стену. Позиции Матвея были на некотором возвышении. Позади танков Матвей разглядел идущие фигурки немецких пехотинцев.

– Истребители танков! Приготовиться!

Из своего окопа Матвей отлично видел, как по траншеям-переходам побежали бойцы с коктейлями Молотова и связками гранат. Позиция Матвея была на возвышении, но окопы и траншеи были прорыты по всему полю. Далеко выдвигаясь клиньями в сторону противника. В нескольких местах были замаскированы пулеметные расчеты. Пользуясь складками местности, истребители танков, во главе с командовавшим ими лейтенантом, вышли на исходные позиции. Рядом с Матвеем была позиция бойца-бронбойщика. Тот споро готовил свое противотанковое ружье к бою. Противотанковых орудий в батальоне было два. И поэтому вся тяжесть борьбы с танками легла на этих бойцов. Их в батальоне было аж пятеро. Матвей сначала тоже захотел быть бронбойщиком, но после того, как попробовал подержать это ружье в руках, то сразу расхотел.

– Тяжесть такую таскать. Нет уж, я лучше с винтовкой побегаю, – сказал Матвей сам себе.

А и то, правда. Штука и в самом деле тяжеленная. Противотанковых ружей бывает два типа. Одно весит 16 кг, а другое, шутка сказать, 20 кг. Расчет обслуживают два солдата. Один стреляет, второй патроны подает. А когда подразделение на марше – тогда один само ружье несет, другой – три, а то и четыре коробки боеприпасов. И то, и другое – тяжесть неподъемная, особенно если пешкодралом целый день топтать.

Между тем бойцы, зарядив ружье, уже выцеливали свою мишень и дожидались команды.

– Бум! Бум!

Взрывы от танковых снарядов слегка оглушили Матвея. Взорвались они с большим недолетом, но страшно стало еще больше.

– Пристреливаются, гады! Ниче! Сейчас поближе подойдут, мы вас тоже угостим.

– Смотри, – толкнул Матвея в бок бронбойщик, – наши пошли.

Было отчетливо видно, как поползли по пластунские черные точки бойцов. Вот в руках у одного взметнулся огонь, он приподнялся и бросил горящий ком в наползающий на него танк. Немного не долетев, снап огня все же лизнул одну из гусениц танка. Было странно видеть, как огонь перемещается по гусенице и не тухнет.

– Почему не тухнет? – Спросите вы.

А не тухнет, из-за жидкости, налитой в бутылки. Вернее, секрет в ее составе.

Название свое они получили от имени председателя Народных Комиссаров Вячеслава Молотова во время финской войны. Тогда он объяснял, что в финнов летят не бомбы, а продо-

вольствие голодающим. А финны в свою очередь говорили, что в них летят Молотовские хлебные корзины, а не жидкостные бомбы. А уже через некоторое время и финны стали использовать эти бомбы против танков и назвали его коктейль для Молотова, так как считали, что именно он начал эту войну. А еще позднее слово «для» сократили, и стали назвать эту жидкость «коктейль Молотова».

В состав этого коктейля входит бензин или керосин. Еще туда добавляют масло. Бутылку, куда наливали эту смесь, затыкали пропитанной бензином ветошью. Вот, собственно, и все. Ветошь поджигалась, и бутылка летела в цель. Когда она разбивалась, жидкость быстро воспламенялась, и потушить ее было проблематично, а в условиях боя – практически невозможно. Минусом этой бомбы было то, что когда поджигался фитиль, то бойца было хорошо видно. Пока он подожжет, пока даст немного времени, чтобы разгорелось. Если не дать времени заняться пламени, то во время полета фитиль может и потухнуть. Процентом на 80 этот боец погибал при первом же броске.

Этот бросок был более или менее удачным. Но в немецком танке нашего бойца заметили. Он развернулся и быстро стал надвигаться на лежащего солдата.

– Беги! Беги! – Орала ему из окопов.

А куда беги. Позади немецкая пехота из автоматов поливает. Голову не поднимать. Не то, что бежать. Боец изо всех сил то в одну сторону ползет, то в другую. А немец с ним, как кошка с мышонком играет.

– Стреляйте! Стреляйте же! – Кричит Матвей броней бойщикам.

– Далеко! Мотька! Далеко! Только зря патрон сожжем.

Все же они выстрелили. Попали, конечно, в танк. Но без толку. Ведь, главное, из ПТР не просто в танк попасть, а попасть куда надо. В корму, например, или в баки, что позади башни расположены. Да и дистанция уверенного поражения метров 400 должна быть, не более, а тут почти 800.

Между тем танк все приближался к отползающему бойцу. У того нервы не выдержали и он вскочил и бросился бежать.

– Беги! Беги!

Он рванул было. До траншеи было всего ничего. Но то ли споткнулся, то ли его по ногам резануло, и он упал. И тут же громада танка переехала его поперек. Лица его, конечно, не было видно, но Матвей живо представил себе, каково это – оказаться там. Он закричал в отчаянии. Да и все в окопе закричали. Но, видит Бог, есть справедливость. Из замаскированного окопа ударила прямо в основание башни связка гранат. Ее как ветром сдуло. И из нутра танка черный дым повалил.

– Ура! Бей гадов! – Неслось из траншеи.

Но танков было много. Очень много. И снаряды стали рваться уже и перелетая их окоп. Заметил Матвей, как еще несколько танков загорелось. Удачно попали бойцы. Вдруг Матвей увидел, как по полю двое бойцов побежали. Объятые пламенем побежали. Взорвался коктейль в руках одного. Он вспыхнул сразу, и соседу его тоже досталось. Крики, мат-перемат, грохот взрывов. Танки все ближе и ближе. Матвей, среди общего шума, увидел, как по пехоте, идущей вслед за танками, два пулемета врезали. Фланговый огонь двух спаренных пулеметов страшная сила. Залегла немецкая пехота. Но для танков пулеметы не страшны. Отвернули в обе стороны по несколько машин и поперли на пулеметные точки. Танки ускорили ход, приближаясь к пулеметным расчетам. Из окопов весь огонь перенесли на приближающихся монстров. Бойцы из противотанковых ружей тоже стали выцеливать уязвимые места, но пока безуспешно. Дистанция была слишком велика для поражения. Неожиданно под одним из танков взметнулось пламя.

– Ура! – Разнеслось по траншее.

– На mine! На mine, гад, подорвался! Молодцы саперы.

– Они еще ночью все подходы к пулеметным точкам заминировали, – авторитетно заявил Антон.

Фашистские танки замедлили ход, опасаясь нарваться на очередную мину, и теперь нацелили свои пушки на наших бойцов. Непривычно резкий визжащий выстрел немецкой танковой пушки услышал Матвей. Танки били по расчетам, стараясь накрыть их прямым попаданием. Им обязательно надо было погасить их. Пехота так и лежала, не имея возможности прикрывать наступление танков. Пока они пристреливались, еще несколько бойцов подползали с гранатами и бутылками, выжидая момент для броска.

– А-а-а! – Крик боли и разочарования разнесся по траншеи.

Сквозь черный дым от горящего танка Матвей увидел, как в один из расчетов все-таки попал снаряд, причем не один. Сразу из двух танков накрыло укрепление пулеметного расчета. Но и наши тоже ответили. Задымился ближайший танк. Они, наступая на пулеметчиков, вынуждены были повернуться флангом и в наливные баки, и вlepили им из противотанкового ружья.

Пехота противника снова ринулась в атаку, и Матвей услышал свист пули, пролетающий над окопом. Немцы поливали из автоматов непрерывно, не жалея патронов, не давая высунуться. В этот момент второй пулеметный расчет снова заставил немцев залечь. В них тоже несколько раз попали, но каким-то чудом пулеметчики продолжали сражаться. Укрепление у них было разрушено, но пулемет остался в рабочем состоянии, и люди тоже уцелели. Матвей находился на этом же фланге, и расстояние между ним и расчетом было не более 50 метров. Он все никак не мог понять, как после таких попаданий люди выжили.

Отстреляв целую ленту, командир расчета вставил новую. Затем вытащил пулемет на бруствер и стал поливать свинцом и противоположный фланг. Находясь в укреплении, они раньше это сделать, не могли. Угол обзора не позволял. Сейчас же они работали и в свой, и в другой фланг.

– Огонь! Огонь! – Неслась команда по траншее.

– Патроны беречь! Бить только наверняка! – На плечо Матвея легла рука старшины.

– Ты, Матвей! Стрелять умеешь. Я вижу. Не лупи куда попало. Целься внимательней. Опытных бойцов у нас мало. – Старшина с сожалением смотрел на старательно стреляющих ополченцев.

Но поделаться ничего было нельзя. В бою уже поздно кого-то учить. Он одобряюще похлопал Матвея и побежал по траншее к командному пункту. Сильно. Очень сильно мешал пулемет немцам. Сразу четыре танка повернули на огневую позицию наших пулеметчиков. Взрывы постоянно рвались вокруг них. Но они были словно заговоренные. Конечно, на самом деле это было не так. Со своего места Матвей увидел, как сначала один боец уткнулся в мерзлую землю. Его место занял второй, но и тому осколком что-то повредило. Матвей не видел отсюда. Их было трое. В расчете пулеметного гнезда находилось три человека.

Время как бы остановилось. Все понимали, что жизнь пулеметчика висит на волоске.

– Братцы! – Раздался чей-то крик. Братцы! Что же это? Наш товарищ погибает, а мы тут! Отсидживаемся!

– Бей фашистских гадов!

– Помирать так с музыкой! В атаку! За мной!

Кто это кричал, Матвей не видел. Траншеи были неровные. Отрыты в шахматном порядке. Справа от себя Матвей увидел одного ополченца. Он его сразу узнал. Имени его Матвей не помнил. Но запомнил его в лицо. Такой был балагур. Работал он на московском хладокомбинате. Ничего общего с тем веселым и открытым лицом, каким его привыкли видеть, не было и в помине. Оно было искажено яростью. Он был страшен в своем гневе.

Сейчас в руках у него была связка гранат. Он ринулся в сторону приближающихся танков. Из окопов вслед за ним стали выскакивать бойцы с винтовками наперевес. Командир

роты, увидев эту незапланированную атаку, только матюгнулся и вылетел из траншеи. Тут уж и все повыскакивали и ринулись в сторону танков. Матвей тоже выскочил вместе со всеми. Он тоже что-то кричал. Прижимая к себе свою мосинку с примкнутым штыком. Когда он его примкнул, он не помнил, но увидел, что у всех на винтовках торчат штыки. Все беспорядочно бежали и орали, кому, что вздумается. Страшно уже не было. Передать охватившее его чувство было нельзя. Вокруг рвались снаряды, свистели пули и смертоносные осколки. Слитный крик «УРА!» перекрывал лязг гусениц и разрывы снарядов. То тут, то там падали сраженные пулями и снарядами товарищи. Но удержать бойцов уже ничто не могло.

Между тем один из танков приблизился к пулеметному расчету. Матвей был от этого места примерно в 20 метрах. Он отчетливо слышал мерзкий лязг гусениц. Пулеметчик, не обращая на танк никакого внимания, продолжал стрелять по фашистской пехоте.

– Беги! Беги! – Заорал Матвей, стараясь перекричать шум боя.

– Беги! – Неслось отовсюду.

Но пулеметчик не слышал этих криков, или не хотел слышать. Он лежал на бруствере окопа и медленно водил дулом пулемета, выкашивая вражескую пехоту. Из шеренги бежавших кто-то кинул связку гранат. Бесплезно. Взорвались гранаты, не долетев до танка. Пыхнув вонючим дымом, танк переехал пулеметчика. Слезы так и брызнули у Матвея по щекам. Кругом мат-перемат. Один из бойцов прямо на башню танка вколотил две горящих бутылки.

Но что это? Пулемет снова стреляет! Матвей просто не поверил своим ушам. Видно из-за чадящего танка не было. Только когда он подбежал ближе, ноги его подкосились. Да, пулеметчик продолжал стрелять по врагам. Только вот стреляла одна верхняя половина тела. Второй вообще не было. Срезал танк пулеметчику ноги. Подчистую срезал. Но билось его сердце, упрямо билось, не давая рукам разжать пулемет. Минуту еще, примерно, он жил.

Взревели, увидев это, все бойцы роты. Кровь закипела в жилах. Ярость, просто животная, охватила всех. Только одно желание. Убивать! Убивать этих извергов рода человеческого. Подхватили свои винтовки с примкнутыми штыками и бросились на танки. В мгновение ока рота добежала до вражеских танков. Оказавшись в мертвой зоне, облепила их. Матвей одним из первых залетел на танк и с остервенением лупил прикладом, стараясь разбить смотровую щель. Кто-то из бойцов скинул бушлат и запихнул его в жерло пушки. Несколько машин уже горели. Гранат и бутылок с зажигательной смесью уже не было.

– Братцы! Братцы! – Матвей вновь услышал голос бойца, поднявшего роту в атаку. – Братцы! Баки у него надо поджечь. Он после этого и сам догорит.

Немцы пытались давить облепивших ополченцев гусеницами, резко тормозили, пытаясь сбросить вниз. Ничего не получалось у них.

Скоро несколько машин уже дымилось. И танки стали пятиться. В это время другая половина роты кинулась на вражескую пехоту. Практически не стреляя, патронов уже ни у кого не было. С горящими глазами, не обращая внимание на шквальный огонь, все же часть роты перешла в штыковую атаку.

– Варвары! Дикари! – Кричали фашисты, уже не пытаясь отстреливаться.

Орали они так потому, что приняли винтовки за копы дикарей. Дело в том, что, винтовка Мосина, с примкнутым штыком, выше человеческого роста раза в полтора. Ополченцы не стреляли, а только кололи штыками, орали нечеловеческими голосами и рвали зубами. Вот немцы и подумали, что против них воюет племя людоедов.

Дрогнули тогда фрицы, побежали. Не выдержали у них нервы. Пробежали еще метров 200, а немцев уже и не видно. Да и темнеть стало.

– Назад! На позиции!

– Все, Матвей! Все! Возвращаемся!

А Матвей все никак не мог успокоиться. Дрожь сотрясала все тело. зуб на зуб не попадал.

– На позиции, бегом марш! – Это уже командир роты скомандовал.

Как в бреду дошел до своего окопа Матвей. Кулем свалился вниз. Жуткая апатия. Ничего не хочется. Ни есть, ни пить. Темно. Только голоса возбужденные долетают до Матвея. Вроде как обед подвезли. Но при одном упоминании о еде, ком к горлу подкатывает.

– Матвей! Очнись, Матвей! Хорошо мы сегодня повоевали. С первым боевым крещением тебя. – Старшина протягивает Матвею алюминиевую кружку.

– На-ка вот, выпей. За удачу. За товарищей наших.

Матвей взял кружку и одним махом опрокинул в себя. И тут же его рвать начало.

– Ну что ты? Матвей! Какой продукт зря испортил. Возьми себя в руки. Ты же мужчина. Ладно, вон те, гражданские. Но с них какой спрос. А ты, хоть и музыкант, но все одно, кадровый. Ладно, отдыхай, скоро обед будет.

Когда Антон принес ему котелок с чем-то дымящимся, Матвея снова стало рвать. Один запах еды выворачивал его наизнанку. Перед глазами все время стояло обезображенное тело пулеметчика.

– Ты чего, Мотька! Ну чего ты раскис? Мы же им сегодня вон как надавали.

– Да уж. Надавали. От нашего взвода и половины не осталось.

– Да! Это точно. Жалко наших товарищей. Но ты пойми, Матвей...

– Что я должен понять? – Матвей вытер рот рукавом шинели.

– Как что? Силы-то были не равны. У них только танков было 50. А пехоты сколько!

И не с винтовками они были, а с автоматами. А мы?

– Мы потеряли тут больше половины, – Матвей обреченно махнул рукой.

Он почему-то злился на Антона. Сам не понимал почему, но злился.

– Настроение у тебя, Матвей! Какое-то...

– Какое?

– Паникерское. Вот какое.

– Людей жалко. Понимаешь, Антон, жалко.

– А мне, думаешь, не жалко? Ты вспомни, как мы с тобой мечтали. Приедем на передовую. В атаку всех поднимем. И победим.

– И что? Победили?

– В данном, конкретном бою, я считаю, победили.

– Какие же мы были дураки. Боже! Какие мы наивные были.

– Не пойму я тебя, Мотька. Что ты бога поминаешь. Я лично сегодня семерых положил.

Причем трех на штык наколол.

– И как. Доволен?

– Да! Да, Матвей! Доволен. И нисколько мне их не жалко. Ни когда стрелял, ни когда штыком колол. Мне, если честно, даже противно не было.

– Врешь, поди.

– Нисколечко. Представляешь. Он бежит, а я его прямо под лопатку. Раз... А он мягкий.

Штык, как по маслу прошел.

Матвею снова стало нехорошо. Спазм снова сдавил горло. Антон, не обращая внимания на Матвея, все вспоминал подробности боя. Он и сам был в каком-то возбуждении. Это тоже была реакция на первый бой. На первые ужасы войны. Психика у Антона была другая. Ни хуже, ни лучше, чем у Матвея, а просто другая. Он прекратил говорить только тогда, когда увидел, что Матвей лежит, закатив глаза.

– Мотька! Мотька! Что с тобой? Ты не ранен?

У Антона не укладывалось в голове, что у Матвея случился обморок. Обморок от пережитого стресса.

Очнулся Матвей, когда почувствовал, что его раздевают. Он открыл глаза и увидел, что находится в помещении. Кругом лежали бойцы, перевязанные бинтами.

– Госпиталь, – подумал Матвей. – Я в госпитале.

– Ну, очухался.

– Где я?

– В медсанбате, где ж еще.

– Но я не ранен.

– Да вижу уже. Так, сомлел немного. Тебя твой товарищ заполошный притащил.

– Можно мне идти?

– Иди, конечно. Только сразу командиру доложись. Да постой. Погоди.

Вот тут тебе котелок оставили. Тоже друг твой. Сказал, как операцию тебе сделаем, так сразу тебе поесть надо.

– Какую операцию? – Не понял Матвей.

– Да все сделали, – пошутил санитар, – вот кушай, давай. Еще теплое, поди.

Сейчас Матвей и вправду почувствовал жуткий голод. В котелке была каша. Вкуснящая. Ложки не было, и Матвей жадно ел, загребая руками.

– Вот бы бабушка увидала! – Подумалось Матвею.

И сразу комок подкатил к горлу. Так захотелось ему увидеть своих, близких.

Еще два дня отбивал атаки противника полк, где служил Матвей. Но пришел приказ оставить позиции и перейти к обороне, ближе к городу Винев. В спешном порядке остатки полка были построены и командир, зачитав приказ, скомандовал:

– На право! На новые позиции шагом марш!

Колонна бойцов повернулась и споро стала выдвигаться на шоссе, ведущее к городу. Сзади их подгоняли немецкие танки, стараясь по флангам зажать в клещи. В ходе этих боев полк потерял почти всю технику и половину личного состава. Они отходили. Таков был приказ. Но отходили с сознанием выполненного долга. Так им политрук объявил на очередном привале. Так оно и на самом деле было. Необходимо было любой ценой задержать наступление немцев. Хоть на час, хоть на пять. Они продержались двое суток. Несмотря на потери, несмотря на то, что сейчас они отступали, полк выполнил свою задачу. Шли последние дни ноября 1941г.

Матвей вместе со своими однополчанами брел по дороге. Разные думы посещали его. Голова была тяжелая, но избавиться от мыслей он не мог. Хотел сильно, но не мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.